

Борьба за осмысленное и достойное существование в повести «Старик и море» Э. Хемингуэя

Среди литературного творчества XX века особо важное место занимает творчество Эрнеста Хемингуэя.

Художественное дарование Хемингуэя, как всякого крупного таланта, крепко, видоизменялось, на основании все же личной, строго индивидуальной прямотой его писательского мастерства.

Трудности сомнения, колебания, утраты – этим путем шел Хемингуэй к итоговому представлению о сущности бытия, о цельном и ясном содержании как борьбе за осмысленное и достойное существование.

В современном восприятии в данное время, читая его произведения, часто встречаем обывательское понимание его произведений. Но существует очень много различных мнений по этому поводу в частности, мне хотелось бы конкретно остановиться на повести «Старик и море».

В этой повести герой Хемингуэя внешне как бы «опрощается». Это уже не интеллигент, стоящий на перепутье жизненных концепций, в честном бою идущий к преодолению тяжких недоумений. А необразованный рыбак, честно делающий дело, «для которого он создан».

Но простота героя не сродни примитиву души и ограниченности мысли. Сантьяго широко и свободно осмысливает действительность и с полным правом может быть принят как выразитель определенных сторон и идейно-эстетических стремлений писателя: в пределах доступного ему жизненного материала герой размышляет о верности долгу, высоком мастерстве, жизненном предназначении и т.п.

В этом смысле старый рыбак Сантьяго философичен и весьма интересен для понимания жизненной позиции позднего Хемингуэя.

Проблема повести близка к теме раннего рассказа «Непобежденный», фабула: охота старика на огромную рыбу, разорванную затем в клочья акулами, - использовано автором в фельетоне «На голубой струе»; сцены рыбной ловли во многом сходны с аналогичными в «иметь и не иметь». При всем том «Старик и море» безусловно оригинальное произведение большого самостоятельного значения.

В экспозиционной части Хемингуэй немногословными штрихами рассказывает о жизни героя в прошлом, внешних факторов его существования, связях с окружающими.

Сантьяго и Манолин - имена старика и мальчика, но они не звучат в повести: они как будто мелки перед словами «Старик» и «Мальчик», выступающими средством обобщения, указания на типический смысл образов.

К тому же Хемингуэй постоянно подчеркивает, что это именно старый человек и мальчуган, стоящие как бы на двух полюсах человеческого существования.

Старые газеты на ржавых пружинах кровати и скатанные штаны вместо подушки – постель старика.

У старика нет сети, которой мальчик хочет наловить наживку для крупной рыбы, нет у него и ужина, но оба – мальчик и старик – делают вид, что в хижине Сантьяго не все продано и есть что перекусить на ужин.

Старик горд, но не тщеславен, а чувство собственного достоинства, подсказывающее, что вслед за займом - нищенствования, заставляет его не только избегать просьб, но и отказываться от помощи.

Какие радости доступны старику?

«Ему давно уже наскучил процесс еды», он одинок, и только привязанность к мальчику, ученику и другу, скрашивает его отъединение от людей. Старик не мизантроп, просто годы ослабили его связи, сверстники ушли из жизни, и место живых заступили воспоминания.

Ушла и сила, но сноровка и выдержка - прежние, знаменитые по всему побережью.

В прочем маленькие привязанности сохранились: он любит мороженное, интересуется бейсболом. Главное место в его жизни занимает чувство к мальчику, на которого смотрит он «доверчивыми и любящими глазами».

И еще работа. Восемьдесят четыре дня он выходил в море, но ничего не привозил, однако «никогда не терял ни надежды, ни веры в будущее». Этот неудачник с веселыми глазами, человек, который не сдаётся, не даром он говорит о себе мальчику, пресекая всякий намек на утешение: «Я необыкновенный старик».

Старик – поэт и с удивительной силой ощущает свою принадлежность целому миру. Он одухотворяет окружающее, и тысяча нитей связывает его с небом, морем, птицами, рыбами- всем, живущим вечно и умирающим в свой срок.

«Старик ... постоянно думал о море, как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, - что поделаешь, такова уж его природа».

В глазах старика океан живет полной, разнообразной и драматичной жизнью: птица фрекат охотится за летучими рыбками, громадные морские черепахи, прикрыв глаза, поедают мерцающие ядовитые пузыри физалий, быстрая макрель и жирный тунец разрезают волны в поисках пищи, добела сбивая зеленоватую воду. Летучие рыбы и морские ласточки- друзья старика, он испытывает к ним нежное чувство привязанности.

Жизнь – борьба, которая наполняет ее смыслом и содержанием; и старик обращается с напутствием к обессилевшей птице, присевшей на лодку отдохнуть: «Отдохни хорошенько, маленькая птичка, - сказал он. – А потом лети к берегу и борись, как борется каждый человек, птица или рыба».

Старик все человечество воспринимает как часть огромной и в основном дружественной ему природы. О морских свиньях, подплывших ночью к борту лодки, он думает: «Они хорошие ... играют, дурачатся и любят друг друга. Они нам родня, совсем как летучая рыба».

К рыбе он обращается, как разумному существу: расхваливает товар, приглашая попробовать аппетитную наживку, уговаривает не стесняться.

Наивно- поэтично, почти сказочно воспринимает он связь между собой и рыбой: «жили были три брата: рыба и мои две руки».

Старик видит в рыбах чисто человеческие качества, одухотворяет их, воздает должное их чувствам и отношениям:

«...Рыба. Слава богу, не так умны как люди, которые их убивают; хотя в них больше благородство и ловкости».

Печальная драма моря: самец-марлин до конца не покидает свою подругу, старик с мальчиком просят прощения у рыбы, убитой ими.

В отношении к живому в природе у старика нет ни тени высокомерной снисходительности, в восхищении мужеством и силой пойманной рыбы он способен даже заявить: «Человек- это не бог, что рядом с замечательными зверями и птицами. Мне бы хотелось сейчас быть тем зверем, который плывет сейчас там, в морской глубине».

Это идет, конечно, не от суеверия, а от языческой силы чувств и трепетного ощущения своей связи со всем живущим, и еще от того глобального понимания человечности, что хотела бы объявить все достойное и прекрасное в жизни.

«Мне жалко, рыба, что так не хорошо получилось», - замечает старик, когда видит, что ему не спасти от акул своего улова. Он жалеет, что борьба с рыбой не было только сном, что гибель его напрасной.

Старик - замечательный рыбак, он прекрасно знает повадки и привычки всякой морской живности, по легкому подрагиванию лески он точно угадывает, что происходит на глубине шестисот футов.

Не будучи мрачным стойком, одиноко замкнувшимся в своих горестях и неудачах он очень земной человек; и если старик в конце концов вырастает в наших глазах до величия исполина духа, то происходит это опять-таки на очень земной (может быть, правильнее сказать - океанской) основе.

Благородная значительность характера крепится на делах обыденных, профессиональных; великое творится не героическим характером обязанностей, а героическим выполнением обыденных обязанностей.

Отвлекаясь от приятных мыслей и бейсбола, старик говорит о себе: «теперь время думать только об одном. О том, для чего я родился. Где-нибудь рядом с этим косяком тунцов, может быть, плывет моя большая рыба».

Он выполняет свое жизненное предназначение; его работа – его профессия и его искусство, она заполняет существование старика целиком именно потому, что это на просто ремесло, дающий хлеб.

Конечный результат усилий Сантьяго – деньги, но в эмоциях старого рыбака они не играют ни какой или почти ни какой роли, хотя, разумеется, именно это цель его борьбы.

Его можно сравнить с талантливым актером, который в самозабвенной игре, конечно же, отрешается от мыслей о предстоящем жаловании, но который, естественно, не мог бы всецело отдавать себя сцене, питая только свой дух. Старик вовсе не чувствует злобы, не ненависти к рыбе за то, что она сопротивляется отчаянно, до конца.

Его борьба с рыбой – рыцарский поединок, где противнику воздается должное, где победитель снимает шляпу перед побежденным в знак признания его бесспорных достоинств. И смысл борьбы для старика приобретает этот рыцарственный оттенок благородного соревнования: «Хоть это и несправедливо ... но я докажу ей, на что способен человек и что он может вынести».

Трудно ждать от необразованного человека слов, более высоких и пышных: он и без них подымается в своей борьбе и восприятия его до подлинного пафоса.

«Ни разу в жизни я не видел существа более громадного, прекрасного, спокойного и благородного, чем ты», - обращается Сантьяго к рыбе.

Когда же плод его победы пожрали акулы, старик скорбит не от убытка, он связывает неудачу с проблемой своего жизненного призвания. Однако, он не в состоянии поколебать устоявшееся сознание человека быть на своем месте, подорвать веру в истинность, единственность своего жизненного пути: - «Может быть, не нужно было становиться рыбаком, - думал он. Но ведь для этого я родился».

Человек, с упоением и мастерством отдающийся своей работе, черпающий в ней радость бытия и ею утверждающий себя в мире, - может быть, любимейший из героев Хемингуэя.

В работе – борьба «с небывалой рыбой», акулами, в преодолении телесных недугов и слабости открывается на мужественный характер Старика.

Это мужественный человек, который хочет добиться успеха мастерским трудом, решимостью и неуклонным исполнением того что он считает своим долгом, - серьезным отношением к работе, хотя он и считается не признанным виртуозом: «конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Ситуации острые и калейдоскопические, сменяющие друг-друга, требуют от старика быстрых реакций, точных, энергичных решений и со всем этим он блестяще справляется.

Голодный, полубольной, с порезанной спиной и сведенной судорогой рукой, за много миль от берега в уютной лодочке, старик может рассчитывать лишь на волю, сообразительность и громадный опыт, но главное, исключительное – это, конечно, воля: «...постарайся переносить страдания, как человек... Или как рыба», - мысленно добавил он.

В борьбе с самим собой преодолевает он слабость, апатию, боль и усталость, не дает себе не в прямом, не переносном смысле, плыть по течению.

Мертвая акула унесла на дно его багор, но он заставляет себя привязать к веслу нож, чтобы не встретить поражения без борьбы.

«...Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение...человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

Безоружный - без гарпуна со сломанным ножом, в сумерках в третьей наступающей ночи, он израненный и обессиленный, говорит себе в ожидании очередного налета хищниц-акул : «Драться... Драться, пока не умру».

И вход идут весла, острые обломки; бой продолжается. Безнадежный для спасения рыбы, но от этого не менее ожесточенный, бой наперекор неудаче судьбе.

Две битвы – одинаково бескомпромиссные, выматывающие до предела: с рыбой и акулой.

Во втором сражении у старика нет высокого пафоса битвы, но есть мрачная предрешенность ее исхода, питающая настроение борьбы; если меч рыба – олицетворение воинствующего духа, то акулы драчливости стервятников.

Старик хочет решить для себя проблему жизни и смерти, разобраться в смысле насильственного вторжения человека в природу.

Трагична позиция человека, вынужденного жить гибелью своих друзей, разрушением окружающего.

Но вместе - этого и неизбежный закон всего сущного, ему подчиняется природа в целом; потому нет особой какой-то вины старика, и он ее не ощущает: «..Я убил ее для того, чтобы не умереть с голоду и накормить еще уйму людей».

Неустанно отвечать судьбе ударом. Черпать силы не столько, сколько в бескомпромиссной готовности к борьбе как источник самоуважения, - вот пафос Хемингуэя.

Победа не в конечном результате, но самой борьбе, если ты отдаешься ей целиком.

Удача и победа – вовсе не обязательный результат борьбы, из которой способы убить настоящего человека, целеустремленно шедшего к цели.

В финале торжествует ощущение продолжающей жизни: старик одержал победу над болью, судьбой и одиночеством - старик, рядом с ним мальчик. И старику снятся львы, выходящие на песчаную отмель, символ радости и далекого детства.

Интересная и новая для Хемингуэя тема вечности человека в смене поколений, закрепляющих мастерство личности и его восприятия жизни.

В данном случае хотелось бы коснуться повести Ч.Айтматова «Пегий пес бегущий по краю моря», так как чувствуется какое-то соприкосновение тем. На лодке в открытом море оставшиеся рыбаки добровольно покидают ее, обрекая себя на смерть когда понимают и надеются, что этим поступком они могут спасти жизнь мальчика, т.е. свое будущее. Будущее важно и для старика Сантьяго. Он видит в мальчике веру в себя.

Мальчик – ненаблюдаемый и не наблюдатель, он опора, поддержка старика, и он – его будущее.

Победа в поражении не новая тема для Хемингуэя, но это уже не победа в гибели, как случилось с Микобером, и не просветление мучительного конца Гарри Моргана. В повести «Старик и море» больше уважительной веры в человека, не осложненной чувствами и поступками, не приспособленным к миру на живи.

Действие еще и потому так живо, динамично, естественно развивается, что очень часто описания событий подменяются обращениями старика к самому себе с признаком или советом проделать то-то и то-то, в повествования эпического плана вводится тем самым элемент драмы: «Тяните! – приказывал он своим рукам. – Держите меня ноги! Послужи, мне еще голова! Послужи мне. Ты ведь никогда меня не подводила».

В мастерски отточенном слове Хемингуэя оживают «настоящий старик», «настоящий мальчик», «настоящее море» - настоящая жизнь, насыщенная драматической, исполненной подлинного величия борьбы человека за высокое право на это имя.

Литература

1. Зильма Маянц. Человек один не может. М., Просвещение, 1966
2. Иван Кашкин. Для читателя современника. М., Советский писатель, 1968, стр. 69
3. Эрнест Хемингуэй. Избранные произведения в 2-х томах, Т.2 М., Госкомиздат, 1959, стр.652.
4. К.М.Нартов Зарубежная литература в школе. М., Просвещение, 1973.